

Ян Эшинар¹

КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОГО ВАЛЮТНОГО СОЮЗА — ГЛУБОКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Со времен краха Lehman Brothers в США и его последствий в мировом масштабе у Европы обнаружилось множество слабых мест в сфере экономики: ее экономика недостаточно устойчива, чтобы противостоять глубокой финансовой нестабильности; ее банковская система подвержена рискам; неполнота ее интеграции обходится дорого; она попала в замкнутый круг, проповедуя политику жесткой экономии в качестве единственного средства от кризиса задолженности; и, наконец, она неспособна мыслить в терминах политического союза, который, тем не менее, необходим для полноценного функционирования любого крупного валютного объединения².

Европейской экономике стало также ясно, что эта «великая рецессия» привела к образованию трудно контролируемого каскадного эффекта. Кризис частной задолженности трансформировался в кризис государственной задолженности, превратив неуплату долгов государства в квазиреальность³. Финансовый и банковский кризис трансформировался в системный кризис, затрагивающий все экономические сектора⁴. Кризис экономического характера трансформировался в кризис политического характера, расколов Европу на две части: продуктивный и конкурентоспособный север и юг, столкнувшийся со структурным дефицитом и трудностью быстро вернуться к основам здоровой экономики⁵.

Через восемь лет после первых мировых потрясений весь спектр проблем 1930-х годов — дефляция, резкий рост безработицы, рост влияния крайних сил, соблазн обращения к национальным идеям — тяжело нависает над Европой, заставляя некоторых обозревателей говорить о деконструкции Европы, ее экономическом суициде.

Обращение к этой весьма мрачной, если не сказать зловещей, теме не должно обойти молчанием общественные реакции, которые формируются с 2008 года, в частности, из-за греческого кризиса, подкрепленного ирландским и португальским кризисами. Были созданы новые общественные инструменты, появилась новая ответственность:

— в первую очередь Европейский фонд финансовой стабильности поддержал правительства, которые

¹ Преподаватель политологии Университета Гренобля (Франция), доктор экономики. Директор издания “Eco+” Института Sciences Po (Гренобль), специалист по международным и европейским политико-экономическим исследованиям.

² De Grauwe P. How to Embed the Eurozone in a Political Union // Baldwin R., Gros D., Laeven L. Completing the Eurozone Rescue: What More Needs to Be Done? L.: CEPR, 2010. P. 29–33.

³ Colliat R., Echinard Y. Après la Grèce, l'Irlande: is small no longer beautiful in the Eurozone? // Revue de l'Union Européenne. 2011. № 550. P. 439–444; Echinard Y., Labondance F. La crise grecque: Quelques leçons d'économie européenne // Revue de l'Union européenne. 2010. № 541. P. 492–496.

⁴ Echinard Y., Labondance F. La crise dans tous ses états. Grenoble: PUG, 2011.

⁵ Echinard Y., Laurent A. L'union monétaire européenne: de la lumière à l'ombre... // Reflets et Perspectives de la vie économique. 2010. Vol. XLIX, № 4. P. 39–47.

столкнулись с трудностями при финансировании своих государственных расходов. Он был трансформирован в Европейский стабилизационный механизм;

— далее Европейский центральный банк снабдил финансовую и банковскую систему денежными средствами, избегая недостатка средств на межбанковском рынке, и прибегнул к нетрадиционным мерам, приобретая государственные ценные бумаги, удерживаемые банками второго ранга на вторичном рынке⁶. Последние решения Европейского центрального банка прибегнуть к *количественному смягчению* подтверждают расширение ответственности, взятой на себя банком в контексте стабильности: валютной, экономической и финансовой⁷;

— кроме того, не стоит недооценивать переговоры, состоявшиеся с частными банками, приведшие к отмене части их обязательств в отношении государственного долга Греции и к созданию новых общеевропейских учреждений, контролирующих с этого момента государственные финансовые рынки и банковские системы. Наиболее показательным, безусловно, является Европейский банковский союз, несмотря на то что его не обошла стороной некоторая критика⁸;

— наконец, план Юнкера сигнализирует о некотором осознании необходимости следовать политике вложений, чтобы инициировать экономический рост в Европе. Как и в других случаях, если этот план и далек от удовлетворения всех нужд Европы, которой не хватает экономического роста, он обозначает начало смены курса в ведении экономической политики.

Эти разнообразные достижения облегчили коллективную деятельность, что хорошо иллюстрирует контроль над ирландским кризисом. Это бесспорно позволило выиграть время и, безусловно, помогло избежать немедленного разрушения валютного союза.

Но выигрыш времени не означает гарантию победы в партии. Многие проблемы остаются источником глубокого беспокойства об «удачном» разрешении европейского кризиса и фактически продолжают вскармливать недоверие по отношению к проекту Европы. Победа Коалиции радикальных левых (СИРИЗА) на выборах в законодательный орган Греции в конце января 2015 года явно демонстрирует нестабильность, образовавшуюся за шесть лет экономического и социального кризиса высокой интенсивности.

Первая причина для беспокойства: едва ли не отказ стран-участниц Евросоюза от целостной Европы. Поразительна трудность, почти неспособность глав государств и правительств мыслить, рассуждать, идти вперед в контексте европейской экономики, то есть в кон-

⁶ Echinard Y. Banque centrale européenne et crise des dettes souveraines: Eurêka? // Questions internationales. 2011. № 58. P. 93–94.

⁷ Echinard Y., Labondance F. La politique monétaire européenne: entre principe et pragmatisme // Revue de l'Union Européenne. 2011. № 546. P. 174–178.

⁸ Echinard Y., Laurent A. L'union bancaire européenne: une union en trompe-l'œil? // Questions internationales. 2013. № 63. P. 94–96.

тексте общих проектов. Европейский экономический анализ проводится исключительно на уровне государства, Европа выступает для него всего лишь в качестве продолжения государственной экономики. Это можно продемонстрировать двумя примерами:

— решение Франции и Германии нарушить европейские рекомендации в рамках процедуры чрезмерного дефицита привело к грубому нарушению Пакта стабильности и роста, одного из немногочисленных инструментов взаимодействия государственных экономических политик, организованного в динамике валютного союза;

— немецкая экономическая модель как единственный путь выхода из европейского кризиса. С точки зрения экономики это фундаментальная ошибка — думать, что немецкая конкурентная модель выхода из инфляции может быть экспортирована. Чтобы баланс бюджета был положительным, нужно, чтобы чужие бюджеты терпели дефицит. Более того, на уровне Европы эта стратегия может быть только деструктивной, поскольку не удовлетворяет немцев (так что Европа — это не Германия) и создает отталкивающий эффект повсюду в Европе (Европа не может быть Германией). Это неизбежно создает еретическую, отчужденную Европу.

Вторая причина для беспокойства: давление истории и выбор структуры учреждений, сделанный за последние два десятилетия. От Маастрихта до Лиссабонского договора, проходя через Амстердам, главы государств и правительств Европы никогда не учитывали факта, что валютный союз, естественное дополнение единого рынка, не может длительно и надежно функционировать без некоторого бюджетного федерализма. Однако многочисленные работы 1970-х (планы Вернера, Маржолина, МакДугалла), 1980-х и 1990-х годов наших североамериканских (Баюми, Массон, Айхенгрин, Кругман) и европейских (Спан, Зумер, Мелиц) коллег показали, что всякий процесс региональной интеграции держится на трех столпах: торговом (таможенный союз, единый рынок), валютном (фиксированная валютная система, валютный союз) и бюджетном (координация политики и бюджетный и фискальный федерализм). Нынешний кризис доказывает, как дорого нам стоило то, что мы с самого начала об этом не помнили. За 20 лет строители Европы не учли в своем проекте эту важнейшую сторону проблемы. Можно сомневаться в их способности построить федеральную Европу, развивая межрегиональную солидарность. Иными словами, как доверять еврозоне, которой не удастся нейтрализовать проблему Греции, в то время как греческий долг составляет всего 4 % от общего долга стран-членов валютного союза? Этот союз забыл об одной из своих движущих сил — о солидарности.

Третья причина для беспокойства связана с текущим управлением европейской экономикой в ходе кризиса. Ведение политики жесткой экономии очень быстро установилось в качестве пути выхода из кризиса государственных долгов Европы. В «нормальное» время такая установка может быть оправдана государственным политическим выбором, выраженным гражданами на государственном голосовании, или контрактическими причинами. В период «великой рецессии»,

если такой стратегии придерживается группа весьма взаимозависимых стран, она неизбежно смертоносна, она еще более смертоносна оттого, что не является результатом демократического совместного решения. Речь не идет об отрицании проблем государственных и региональных финансов в Европе. Стоит лишь вспомнить о том, что жесткая экономия и дефляция не лучшие средства (если не сказать больше) для борьбы с неравенством государственных счетов: без экономического роста нет доходов от налогов, а без дополнительных доходов от налогов ни одно государство не может стабилизировать свой долг. Как Греция сможет после 6 лет рецессии (при снижении ее валового внутреннего продукта примерно на 30 %) уменьшить свой долг?

Помимо этой стратегической, если не догматической, ошибки с точки зрения экономической политики, распределение времени было катастрофически неэффективным. Вместо того чтобы ставить цели на короткое время в рамках стратегии возврата к равновесию европейских финансов публичных формирований, необходимо было «растягивать время». С самых первых месяцев нужно было разработать программу возврата к равновесию на 10–15 лет.

Наконец, стратегия урегулирования посредством реальных государственных обменных курсов показывает, что государственный уровень остается единственным уровнем регулирования. Этот урок недавней истории демонстрирует тщетность европейской политики, притом что европейские страны выбрали создание валютного союза. Стоит вспомнить, что деньги — это «двуликий Янус»: это великолепный посредник при обмене (экономический характер денег) и выражение суверенной власти, способности печатать деньги (политический характер денег). Длительное время отрицать вторую характеристику денег — значит, существенно ослаблять любой валютный союз и, возможно, даже способствовать его разрушению.

Пессимистический характер данного анализа должен создать основу для новой деятельности в масштабе Европы, безусловно, для того чтобы еврозона перестала вязнуть в кризисе, но также и для того, чтобы она вернулась к одной из своих изначальных целей — сокращению суверенитета государств и содействию консолидации своего проекта экономической, институциональной и политической интеграции¹. Перечитывание книги «Mémoires» («Воспоминания») Жана Монне необходимо в эти трудные времена².

Необходимо также помнить о том, что «Европа» — это мультидисциплинарный предмет, как и любой предмет гуманитарных и социальных наук. Его изучение не может сводиться только к одной дисциплине, такой как, например, экономика. Экономика не может существовать без права, без политологии, без психологии, без истории и т. д. Европейская интеграция в ключевой момент своей истории нуждается в активном вовлечении в ее процесс наших коллег политологов. Без них, без их способности к анализу, инновации проект Европы становится гораздо более хрупким.

¹ Aglietta M. Europe. Sortir de la crise et inventer l'avenir. P. : Michalon, 2014. Также см. интервью с Мишелем Аглиеттой. URL: http://www.xerficanal-economie.com/emission/Michel-Aglietta-Erreurs-et-errements-de-la-zone-euro_2111.html

² Monnet J. Mémoires. P. : Grasset, 1976.